

Александр Балаян

**Интеллектуалы
в условиях исторических
трансформаций**

НОРМА

Санкт-Петербург

2019

УДК 326.396

ББК 66.3(0)6

Б20

Рецензенты:

Тульчинский Григорий Львович, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента государственного администрирования НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, доктор философских наук

Крокинская Ольга Константиновна, профессор кафедры социологии РГПУ им. А. И. Герцена, доктор социологических наук

Б20

Балаян А.А.

Интеллектуалы в условиях исторических трансформаций. – СПб.: Норма, 2019. – 128 с.

ISBN 978-5-87857-293-4

В XX веке существенную роль в общественных изменениях начали играть интеллектуалы. Их взаимодействие с властью часто оказывало ключевое воздействие на формирование и динамику политических кризисов и процессов трансформации переходных обществ. В монографии сделана попытка проанализировать роль и глубину влияния небольших социальных групп на политические изменения в нескольких регионах, через призму исторических и культурных особенностей конкретных стран. Книга предназначена для преподавателей гуманитарных дисциплин, специалистов в области политологии и всех интересующихся политической философией, теорией элит и политическими трансформациями.

УДК 326.396

ББК 66.3(0)6

© Балаян А.А., 2019

© Норма, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	13
Основные подходы к пониманию политической элиты	13
Роль политической элиты в переходных обществах	31
2. ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА	40
Политико-философское осмысление понятия «интеллектуал»	41
Специфика общественных интеллектуалов	45
3. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ВО ФРАНЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ ТВОРЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА В ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД	52
Падение и триумф социалистов	53
Интеллектуалы, студенчество, перемены?	58
4. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯПОНИИ	64
Исторический раскол	65
Модернизация и интеллектуалы	69
Возвращение традиционалистов: путь самурая	74

5. ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: СЛУЧАЙ ПОЛЬШИ	77
Предпосылки появления	77
Становление в Польше	81
Эффект-1956: оформление протеста	82
Кризис социализма – расцвет интеллектуалов	86
6. ФАБРИКИ МЫСЛИ КАК ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ	92
Зарождение экспертно-аналитических структур	94
Фабрики мысли в Западной Европе	105
Аналитические центры в постсоциалистических странах	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
БИБЛИОГРАФИЯ	120

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие власти и общества в переходные периоды всегда являлось достаточно сложным процессом, который часто приводил к кризисам, революциям и иным проявлениям социально-политической дезинтеграции. Политическая элита пыталась подчинить себе различные сферы жизни общества, используя разные методы. В XX веке насильственные технологии дополнились мощным психологическим воздействием на массы, что привело к обострению огромного количества социально-политических конфликтов и существенно изменило развитие многих стран мира. Некоторые авторы, говоря о ключевой роли подобных структур, отмечают, что при слабом развитии гражданских структур появляется серьезная опасность дисбаланса отношений власти и общества. Многие политические режимы на разных этапах своего развития стремились блокировать деятельность гражданского общества и избавиться от групп, которые выступают в качестве посредников между обществом и государством. Под данными группами подразумеваются представители интеллектуальной элиты или интеллектуалов, которые играют важную роль при социально-политических преобразованиях и выступают своеобразным медиатором между обществом и властью. Можно сказать, что интеллектуалы фактически выступают одним из ключевых факторов модернизации переходных политических систем.

Понятие «интеллектуал» часто путают с другим термином – «интеллигент», что абсолютно неверно. Можно сказать, что с философской точки зрения интеллигент – это человек, являющийся собой моральный ориентир для общества, а с социологического ракурса – профессионально занимающийся умственным трудом, развивающий и распространяющий культуру в массы. Ряд авторов утверждает,

что интеллектуалы больше относятся к гуманитариям широкой направленности, а более узкая направленность деятельности характерна для интеллигенции. В странах Запада термин «интеллигенция» не употребляется и носит скорее ироничный характер, а термин «интеллектуал» не пользуется широкой популярностью в Восточной Европе, поэтому происходит расхождение в понимании этих двух явлений. Поскольку не все интеллектуалы являются интеллигентами и не все интеллигенты являются интеллектуалами, в книге мы используем наиболее распространенный и принятый в научной литературе термин «интеллектуал», который обозначает тех, кто, по меткому суждению Ж. Бенда, «несет бремя вечных ценностей» и неизменно следует им¹.

Однако довольно часто случается так, что в стране есть все предпосылки для расцвета интеллектуалов, но внутренние и внешние катаклизмы препятствуют этому. И в качестве одного из самых ярких примеров можно привести Россию. Нужно подчеркнуть, что интеллектуалы в России всегда находились на втором плане, в то время как предметом научных исследований, дискуссий, публикаций была интеллигенция. Их ругали, ими восхищались, их идеализировали. Интеллигенция осознавала себя в качестве носителя всеобщей совести общества и практически всегда противопоставляла себя государству. Быть в оппозиции к власти – характерная черта русской интеллигенции. Огромное влияние на общественное сознание, на политические процессы в дореволюционной России оказывала революционная интеллигенция – народники, позже эсеры, марксисты. Достаточно вспомнить убийство Александра II перед принятием конституции или террористические акты эсеров в начале XX века. Либеральная интеллигенция, оформившись в партии в годы первой русской революции, сыграла свою роль в развитии России по парламентскому пути

¹ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009. С. 11.

и, придя фактически к власти после Февральской революции, не смогла решить ни одной задачи, от которых зависело будущее страны. Русские интеллектуалы – философы, ученые, писатели, – разочаровавшись в революционном движении, подвели итоги первой русской революции в сборнике «Вехи» 1909 года. Н. Бердяев, П. Струве, С. Франк, С. Булгаков, цвет русских интеллектуалов, сделали вывод о том, что революция не имеет созидательной силы, но обладает огромной разрушительной. Они обвинили русскую интеллигенцию в подготовке революции – и не только революционную интеллигенцию, но и либеральную. И сделали вывод, что социальные свободы для народа возможны только при достижении внутренней свободы, и призвали народ к внутреннему совершенствованию. А перед интеллигенцией была поставлена задача возвращения к религии от атеизма и материализма. Важны интересы не класса, а нации – считали они. Позже, уже в эмиграции, Н. Бердяев признавался, что, не сумев предложить народу ни одной реальной перспективы, не понимая проблем, стоящих перед страной, они самоустранились от влияния на политические процессы в России и фактически отдали Россию большевикам.

В Советской России, а позже и в Советском Союзе, как в любом тоталитарном режиме, интеллигенция представляла опасность для власти, поэтому нещадно истреблялась, подавлялась. Интеллектуалы-ученые были востребованы, но они должны были верой и правдой служить власти. Если в других странах в 1930-е годы уже сформировалась категория интеллектуалов, позже сумевшая консолидироваться для влияния на политические процессы, то в СССР лучшие представители интеллигенции и интеллектуалов, которые заявили о себе еще до революции, «обитали» на Соловках (Д. Лихачев, П. Флоренский) или умирали в ГУЛАГе (О. Мандельштам, академик С. Вавилов и др.). Поэтому серьезной оппозиции в СССР быть не могло.

Послевоенные «ждановские» чистки обескровили интеллектуальную элиту страны и остановили развитие генетики, кибернетики, биологии на долгие годы. Деятельность шестидесятников в период оттепели подготовила почву для распространения диссидентского движения в период застоя. Впервые против системы выступало поколение, которое родилось и выросло в СССР. Диссидентство было неоднородным и состояло из правозащитного, национально-освободительного, религиозного движения. Именно в этот период началась политическая деятельность Андрея Сахарова – выдающегося ученого, которого совершенно справедливо (за то, что он говорил власти правду, когда все молчали, за то, что мыслил, опережая время, но его не понимали) уже после смерти назвали «умом, честью и совестью нашей эпохи». Именно известные писатели, ученые, музыканты, которые могли бросить вызов власти, высылались из страны (А. Солженицын, Р. Ростропович, И. Бродский и др.). Самыми запоминающимися вехами диссидентского движения, кроме самиздата и политических процессов, были события августа 1968 года – когда группа молодых людей, собравшись на Красной площади, выразила протест против ввода войск в Чехословакию. Н. Горбаневская, В. Делоне, К. Бабицкий, Л. Богораз, В. Дремлюга, П. Литвинов, В. Файнсберг, Т. Баева подверглись преследованию со стороны власти. Кроме того, впервые возникают открытые общественные организации: в 1969 году – Инициативная группа защиты прав человека (П. Якир, С. Ковалев, Л. Плющ и др.), в 1976 году – группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (Ю. Орлов). Диссидентское движение было разгромлено властью в начале 1980-х годов. А перестройка в стране, в отличие от стран Восточной Европы, началась не «снизу», а как традиционно в России – «сверху». Всплеск активности интеллигенции вновь наблюдается в период горбачевской перестройки и в первый период президентства Б. Ельцина.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в России оппозиция в лице интеллигенции всегда проигрывала, а силы, которые приходили к власти в ходе борьбе интеллигенции, почти всегда оттесняли тех на задворки истории. Так было после 1917 года, а в постперестроечное время, когда партийная номенклатура благодаря живой и серьезной работе интеллигенции, успешно получив то единственное, чего не было при советской власти, – собственности, – отстранила интеллигенцию от влияния на политику. Мы переживаем момент, когда востребованы в стране интеллектуалы – генераторы идей, ученые и философы с нелинейным мышлением. Те, кто настроен на диалог между обществом и государством, те, кто говорит правду власти и кого власть слушает. Но как может происходить взаимодействие, если непонятно, что доносит до тебя власть через свои институты, постепенно становящаяся все более и более замкнутой корпорацией, единственная задача которой – навязать то или иное мнение массе.

Сегодня диалог не может состояться, поскольку со стороны общества нет соответствующих фигур. Ту роль, которую на Западе обычно играют интеллектуалы, в России некому взять на себя. Они в основном отступили в свои закрытые профессиональные области и превратились, по М. Фуко, в «частных» интеллектуалов, занятых исключительно собственными профессиональными проблемами (что, в общем-то, не так плохо, поскольку этот процесс обратим). Попадая же в среду бюрократии, где действуют свои специфические законы, интеллектуал (то есть инородное тело) обречен. Таким образом, в современной России интеллектуалы оказались отодвинутыми от управления государством, хотя на Западе власть еще в середине прошлого века взяла курс на вовлечение их в политический процесс. Интеллектуалы ведь даже в одиночку или небольшой командой могут серьезно повлиять на власть (вспомним А. Сахарова).

Основная же масса интеллигенции либо присоединялась к бюрократии и удобно устроилась там, обучившись правилам игры, в которой успех измеряется не качеством работы, а известностью – и прежде всего частотой появления на телеэкране². Часть интеллигенции активно и верноподданнически поддерживает власть в лучших традициях советской интеллигенции. А круг «широкой интеллигенции» – учителя, врачи, инженеры, задавленные экономическими трудностями, вынуждены отойти от активного участия в политической жизни. Только небольшая, наиболее активная часть демократической интеллигенции, сохранившая чувство собственного достоинства, понимающая свою ответственность за будущее, за судьбу цивилизационного выбора России, сохранила активную жизненную позицию. На современном этапе развития политических процессов интеллигенция в классическом понимании исчерпала себя. Это обсуждается, об этом пишут многие исследователи. Все же не будем столь категоричны, будущее в России за интеллектуалами. Хочется надеяться, что и у нас начнет действовать модель «ухода» и «возврата» по А. Тойнби: «Творческая личность, уходя и выпадая из своего социального окружения, преобразуется, возвращается затем в то же самое окружение; возвращается, наделенная новыми способностями и творческими силами»³. Ведь актуальность в таких социальных силах в современной России есть, и с каждым годом она только возрастает.

Данная книга видится мне как попытка рассмотреть ключевые черты интеллектуалов – своеобразных медиаторов между обществом и властью. В наиболее сложные исторические периоды именно эти группы брали на себя важную функцию формирования политических задач для

² *Bauman Z. Pierre Bourdieu, or the Dialectics of Vita Contemplativa and Vita Activa // Revue internationale de philosophie. 2002. N 2. P. 85.*

³ *Тойнби А. Постигание истории / Пер. с англ., сост. А. Огурцов. М.: Прогресс, 1995. С. 42.*

множества людей, несогласных с доминирующей государственной повесткой. Успехи, неудачи и противоречия этого мы и попытаемся показать на примере нескольких стран, где социально-политические процессы наиболее полно отразили всю многогранную природу интеллектуалов.

Примеры деятельности интеллектуалов, которые рассматриваются в книге, не случайны. Франция, Польша и Япония представляют три типа стран, где наблюдаются свои особенности взаимодействия интеллектуалов, власти и общества. Если говорить о Франции, то в этой стране идеологический раскол интеллектуалов и постоянный их конфликт как между собой, так и с властью был тем механизмом, который запустил процесс изменения политической системы. Начиная с середины XX века получают развитие идеи социального государства и защиты прав человека, что во многом обусловило формирование публичных интеллектуалов в социалистических странах. Именно они сыграли важную роль в падении социалистических режимов в конце 1980-х годов в Восточной Европе. Самый яркий пример подобной роли интеллектуалов – Польша. Однако в разных регионах мира взаимодействие интеллектуалов и общества характеризовалось своей спецификой и проблемами. Так, роль политической, творческой и военной элиты страны в период успешного процесса вестернизации рассматривается на примере развития Японии.

С середины XX века можно наблюдать интересную тенденцию постепенной инфильтрации многих интеллектуалов и бывших политиков в ведущие мировые фабрики мысли. И если политики зачастую используют их для «перезарядки своих батарей», а затем возвращения на госслужбу или в большую политику, то интеллектуалы активно участвуют в продвижении своих идей во власть.

Очевидно также, что именно от поведения интеллектуалов зависят такие моменты в формировании политической элиты, как политическая конкуренция, уровень социальной

активности в переломные для страны периоды, идеологическая ориентация элиты. Поэтому еще одна задача нашего исследования: на основе теоретических подходов к изучению интеллектуалов определить их роль и влияние на функционирование политических элит рассматриваемых регионов.